5
20 ЯНВ 46 «ГОРЬКОВСКАЯ КОММУНА»

ИДЕИ И ОБРАЗЫ

(О творчестве Н. А. Левкоева)

Тамбов... Древняя русская провинция. Запыленные тихие улицы, укромные домики, зелень садов.

В этом городе прошло детство и отрочество заслуженного артиста Республики Николая Александровича Левкоева.

Сын слесаря-кустаря Николай Левкоев любил природу, цветы, птиц. Он часто наведывался к одному знакомому старику-птичнику, прислушивался к разноголосому хору его пернатых питомцев, с увлечением беседовал со стариком о повадках и нравах птичьего царства. И когда позднее, уже будучи актером, Н. А. Левкоев получил в пьесе «Мещане» роль Перчихина, то перед ним, как живой, встал в памяти старик-сосед. И Левкоев ощутил в себе силу сыграть необычайно ярко горьковского Перчихина.

И не только образ Перчихина, а и многие другие Н. А. Левкоев строит на основе богатого жизненного опыта. С тех пор как двенадцатилетний сын кустаря случайно попал на спектакль—сценическое искусство стало его заветной мечтой, страстью, желанным будущим. Где бы потом Н. А. Левкоев ни был, чтобы ни делал—единственной его целью была сцена. И в 1919 году ставши актером-любителем, студент медицинского факультета Киевского университета—Левкоев поступает в театральную школу, идет на многие материальные лишения, но идет смело, ибо беззаветно, от всего сердца, от всей души любит театр.

Большую половину своей творческой жизни отдал Н. А. Левкоев Горьковскому театру. 24 августа 1927 года он вступил на Нижегородскую сцену. Восемнадцать лет непрестанной творческой деятельности связаны были с ней, с ее развитием, укреплением и ростом. В Горьковском театре Левкоев сыграл огромное количество ролей, здесь он получил в 1936 году высокое звание заслуженного артиста РСФСР.

Больше шестнадцати лет Левкоев играет Перчихина. Мастерски изображает он этого юркого, умного и сердечного старичка-птицелова, бесподобные краски нашел артист для этой роли.

Чистосердечный и легковерный Перчихин—Левкоев напоминает тех рязанских плотников, которые соглашались починить барину его затейливые карманные швейцарские часы: «Только вот беда! Топор-то пролезет ли?». В левкоевском Перчихине есть какая-то патриархальная наивность деревенского жителя. Сначала удивляешься, где мог Левкоев наблюдать столько милого радушия и теплоты сердечной! А затем думаешь—ну, конечно, здесь собрано все лучшее, что есть у самого Левкоева, а это лучшее проявилось у него потому, что он учился у жизни.

Из своих наблюдений Левкоев брал для образа Перчихина свойства простодушного и незамысловатого человека, но одаренного и поэтического по натуре. Он—любитель природы, кристальная мораль, святая бесхитростность! Вот каков его Перчихин... Он радуется счастью своей дочери Поли и с восторгом наблюдает позолоту осенних листьев в лесной чаще. Он не понимает пословицы «Человек человеку волк», волчьи раздоры собственников чужды ему. Перчихин удивленно смотрит на старика Бессеменова: почему тот зол и выгоняет его? Перчихин никому и никогда не навяжет себя, не будет нигде обременителен. С какой ласковостью он обращается к Тетереву, называя его «божьей дудкой», как живо расспрашивает он Петра об устройстве канализации—любопытство его поистине неистощимо! Как ребенок, он хочет знать все, все ему интересно. Он глубоко человечен. С него старинный иконописец, любитель древнего искусства, мог бы смело писать «парсуну» народного любимца, знатока пчел и лесного зверья. Он как бы выскочил из пряной избяными запахами легенды—мужицкий святой, ходит по дорогам и перелескам, помогает беднякам, поучает у ручьев и благословляет стада. У Перчихина—Левкоева нет коварства в мыслях. Птицелов—он вечно в поисках розового соловьиного рассвета. Ему не надо денег. У него—птичья жизнь. «Жар-птицу ловить уйду за самые за тридевять земель»...

Если левкоевский Перчихин—философ, то он, конечно, пантеист. Он обожает все мироздание. Рассказывая о птицах, он восторженно изображает, и как летит стайка красногрудых снегирей, и как они курлыкают, опускаясь на снег, как «серебряцом» блестят от инея ветки, что, слушая, невольно любуешься этим талантливым, чутким от природы, простым человеком. Перчихин Левкоева радует зрителя непосредственностью народной правды.

В столкновении с Бессеменовым Перчихин тяжело обижен, в голосе его отчетливо пробиваются слезы. Эти слезы не безразличны для зрителя, успевшего полюбить птичника. И не то, что становится жалко этого обаятельного птицелова, а как-то, по особому, еще больше начинаешь ценить Перчихина-человека.

Эта черта творчества—большая человечность—чувствовалась у Левкоева и в другом горьковском спектакле—во «Врагах». Играя старика Левшина, Левкоев был воплощением старой народной рабочей мудрости. При свете луны, карауля дом Скоробатовых, охраняя заводские цеха, беседуя с молодыми людьми в саду, под большими старыми липами, Левшин Левкоева особенно трогательно и задушевно учил молодых, что всё, что они сейчас сторожат, есть достояние народное, что отнюдь не нужно разрушать то, что выстроил сам народ—фабрики, заводы, особняки владельцев. С любовью и проникновением говорил Левшин—Левкоев о народе-герое, о народе-творце, о народе-созидателе.

«Мы так думаем,—говорил он,—что сработали, то и свято. Труды людские надо ценить по справедливости».

И тихая речь старого левкоевского Ефимыча, наполненная обаянием простоты и поэтическим отношением к труду, к творческому созиданию ценностей, вселяла уважение к исконным свойствам русской народной души.

Боевая устремленность драматургии Горького была правильно воспринята Левкоевым. В спектакле, уже с первого акта, Левшин—Левкоев не стоял в стороне от напряженной атмосферы борьбы фабриканта с рабочими. Левшин—Левкоев понял все значение выстрела в бардинского компаньона Скоробатова. Этот выстрел для Левшина прозвучал не аполитично, а вполне определенно—так, как он звучал и на самом деле, так, как он и должен звучать в пьесе, которая названа «Враги» и автором которой являлся Горький! Оставшийся в живых барин—либерал Захар Бардин по существу не лучше убитого Скоробатова, он только гораздо глупее его. Левшин—Левкоев испытывает отвращение к этому либералу с его пустотой и лживостью, с его размагниченностью, прикрываемой красивыми фразами. Левшин—Левкоев хорошо ощущал в Захаре Бардине его фактическое значение в качестве хозяина фабрики. Поэтому старый рабочий Левшин и говорил: «Что сделаешь убийством? Ничего не сделаешь. Одного пса убить — хозяин другого купит... Вот и вся сказка». У Левкоева—Левшина это место звучало осуждающе, но не потому, что старик Левшин отрицал насилие: нет, он не против насилия, наоборот, в борьбе оно неотвратимо, только не надо поступать наобум, ибо это бессмысленно.

Левкоевский Левшин был еще ценен потому, что он ясно и вдумчиво передавал зрителю любовь к правде, к справедливому разрешению всех жизненных вопросов.

Думается, что только уверенный в своей духовной красоте народ, русский народ, способен на такую всепоглощающую любовь к завоеванной и найденной истине.

Народный юмор, сметливость, ласковость—черты левкоевского Левшина—были свидетельством роста многогранного артиста.

И совсем другая фигура получалась у Левкоева в тех же «Врагах», когда он играл генерала Печенегова—этого выжившего из ума, почти впавшего в идиотизм самодура. С чувством меры, с подлинным тактом, создавал Левкоев этот образ, воплощал в нем страшную и жестокую сущность многочисленных российских печенеговых.

Гнев и осуждение реакционного прошлого были девизом Левкоева в этой работе. И как раз именно эти качества народности, эти идеи передовых русских людей — протест против векового рабства, ненависть к проклятому царизму, и одновременно любовь к народу, к людям труда—помогли Левкоеву подойти к одной из основных и принципиальных его ролей—к роли великого вождя народа В. И. Ленина в спектаклях «Человек с ружьем» и «Кремлевские куранты».

Ленин и солдат Шадрин, их встречи, задушевный разговор о судьбах советской России, Ленин на охоте, Ленин в огромном созидательном труде, вместе со Сталиным и Дзержинским—этот светлый, волнующий образ создавался артистом путем длительного изучения исторических материалов, он был раскрыт с предельной ясностью. Зрители увидели, как мечтал и как претворял свою мечту в жизнь Ленин, как велик и как прост он был, как любил жизнь, Родину, ее народ. Левкоев сумел передать зрителям ленинское стремление—быть ближе к жизни, находить даже в случайных и неожиданных встречах почву для больших обобщений и мыслей, показал неразрывную связь Ленина с народом, единство личного и общественного, мужество мысли и человеческую обаятельность. Лирический и проникновенный добряк, учитель музыки, Лемм («Дворянское гнездо») хитрый, коварный и злой Вурм («Коварство и любовь»), обиженный судьбой и исковерканный своим господином Нечаем Шалыгиным—шут воеводы Бессудный («Сон на Волге»), расчетливый и мелкий Полоний («Гамлет»), задушевный и трогательный Кулигин («Гроза»), переживший свое время крепостной слуга Фирс («Вишневый сад»), ловкий и смелый «нашего полка боец» («Первая конная»), убежденный мошенник, аферист Чутунов («Волки и овцы») и многие, многие другие—какая яркая галерея образов!

Н. А. Левкоев—значительный художник реалистического театра. Это—актер огромной жизненной правды и предельной простоты. Ему свойственно верное понимание психологии героя, знание бытовых укладов жизни, он колоритен, в его образах сливаются и общественное, и жизненное, и театральное значение изображаемых лиц. Он с исчерпывающей полнотой раскрывает те основы, на которых зиждется искусство русского благородного театра.

Режиссер, театральный педагог, общественник, активный деятель Всероссийского театрального общества—Н. А. Левкоев является одним из любимых наших актеров.

Его ценят и уважают зрители, они внимательно следят за его творческим ростом, радуются его успехам.

И вместе со своим зрителем широко, сильно, все более уверенно, идет к новым достижениям Николай Александрович Левкоев.

Н. БАРСУКОВ.